

Современная многонациональная советская литература является проводником в русский язык не только тюркоязычной лексики, но и слов, свойственных самым разнотипным языкам народов СССР. Можно с полным основанием утверждать, что развитие национальных литератур и перевод (а также авторский перевод) на русский язык произведений, принадлежащих писателям республик, краев и областей страны, оказывает непосредственное воздействие как на объем русского языка, так и на соотношение, стилистическое использование, внутритекстовую перегруппировку ее ядерных, центральных компонентов и периферийных элементов. Пристального внимания в аспекте лексико-стилистических вопросов заслуживают младописьменные литературы, становление и развитие которых прослеживается, начиная с 20-х годов. М. Н. Пархоменко писал: «Младописьменная романистика в ее основном потоке, а тем более в лучших явлениях — это не только летопись исторического движения народов, но и летопись их современности, их новой жизни, их участия в строительстве коммунизма» [17].

Многообразные функции младописьменной прозы, в том числе прозы народов Севера, ее широкая тематика, стилевые искания авторов в немалой степени способствуют введению в текст специфических национальных номинаций понятий, связанных с разными областями народной жизни.

Лексика языков северных народов лишь в незначительной степени отражена в толковых словарях русского языка. Отсутствие лексикографического показателя ставит под сомнение возможность ее причисления к лексической системе русского языка лишь на основе ее использования в художественном тексте. Но вместе с тем данный лексический пласт — именно в русском тексте — получает соответствующую графемно-фонетическую и грамматическую ассимиляцию, что отвечает одному из главных признаков заимствования как лексической единицы.

Определенные лексические единицы характеризуются значительной устойчивостью и частотностью употребления в художественных произведениях, тематически связанных с жизнью, бытом и деятельностью северных народов. В художественных произведениях объяснения подобных слов имеют двойной статус: внетекстовые (подстрочные ссылки) и внутритекстовые (различного рода способы семантизации). Формально эти лексические единицы можно назвать этнографизмами в том смысле, что они обозначают специфические национальные реалии. Немаловажен и тот факт, что регулярности воспроизведения подобных слов часто сопутствуют идентичные толкования у разных авторов: Ср.: «В холодной части яранги, в *чоттагине*, обитали собаки» (Ю. Рытхэу. Конец вечной мерзлоты); «В *чоттагине* — холодной части яранги — тускло светит жировая плوشка» (В. Леонтьев. Антымавле — торговый человек). Слово *чоттагин* безэквивалентно: его значение в русском языке передается не одним словом, а словосочетанием, которое в роли семантической параллели вводится в текст — в первом примере в препозиции к национальной лексеме, во втором — в постпозиции. Соответственно меняется синтаксическая функция национального слова: в первом случае оно выступает как приложение к русскому словосочетанию, во втором, напротив, русская параллель поясняет значение слова *чоттагин*.

Семантико-слововой параллелизм, выраженный лексическими средствами двух языков, представляет собой проявление того взаимодействия, которое в целом может квалифицироваться как функциональное, вызванное потребностями художественного изображения. Вместе с тем употребление в пределах отдельных контекстов (и, шире, отдельных произведений) русско-национальных (национально-русских) параллелей регламентируется не только авторской речью (как в примерах использования *чоттагин*), но и ориентацией на образ персонажа. Единица национального языка включается в реплики действующего лица как примета его речевой характеристики. Например: «— На *уичу* о*отились. *Умка* ногу